

Молчанова Е.В.

аспірант,

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

ГОГОЛЕВСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Ф. СОЛОГУБА

Сологуба называли «новым Гоголем», «законным преемником Гоголя», и это сопоставление нравилось писателю-символисту. Современные писателю критики с момента публикации романа «Мелкий бес» (1907) постоянно сравнивали его с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя: «Так писал когда-то Гоголь. И «Мелкий бес» напоминает «Мертвые души» не только неуловимой, но несомненной родственностью писательского темперамента, но даже некоторыми внешними приемами, даже общими недостатками»; «Невероятно чудовищна эта галерея: «мертвые души» русской провинции, в карикатуре изображенные Гоголем, – возвышенные создания в сравнении с удивительно мерзостными и нелепыми призраками, которыми населил свой город Сологуб» (цит. по [3, с. 269–269]).

Для того чтобы усилить «гоголевскую» тему, в предисловии ко второму изданию «Мелкого беса» сам Сологуб сравнил его с искусно отшлифованным зеркалом: «Этот роман – зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно. Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно» [6, с. 7]. Таким образом, Сологуб умышленно отсылал читателей к эпиграфу «Ревизора»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [1, с. 3].

Современные литературоведы выявляют гоголевские художественные модели не только в романах, но и в малой прозе Сологуба. В. А. Келдыш, сравнивая «Маленького человека» с «Шинелью» Гоголя, отмечает: «Приблизительно одинаковую функцию выполняют мотив шинели (у Гоголя) и мотив снадобья (у Сологуба). И там, и здесь кажущееся исполнение заветной мечты («Саранин сиял радостью») и последующее ее крушение» [2, с. 158]. Н. С. Смирнова также полагает, что по характеру своего творчества Сологуб «очень близок к Чехову, Салтыкову-Щедрину, Достоевскому и, конечно же, Н. В. Гоголю... Подобно Чехову

Сологуб чувствует пошлость окружающей жизни в самых тонких ее проявлениях. У Гоголя он взял увеличительный аппарат, при помощи которого легко раздувает каждое жизненное явление в карикатуру» [4].

Наше исследование малой прозы Сологуба расширяет представления о формах проявления и функциях гоголевского интертекста. Если учесть, что над «Мелким бесом» писатель работал с 1892 по 1902 гг., то можно предположить, что в неомифологической новелле «Маленький человек» (1907) он лаконично воплотил результаты своего художественного исследования жизни человека в романе-мифе. Заглавие новеллы сразу же сообщает читателю о том, что его ждет встреча с хрестоматийным в русской литературе образом «маленького человека», представленным в многочисленных претекстах XIX века (от Пушкина и Гоголя до Чехова) и приобретшим за счет этого значительную степень обобщения, а также многозначность, обусловленную различными интерпретациями авторов претекстов и критиков.

На наш взгляд, Сологуб подчеркивал многозначность и обобщенность образа «маленького человека» и тем самым переводил его из разряда социально-психологических реалистических персонажей в разряд символических и неомифологических. Как и образы детей из предшествующих новелл («Утешение», «Червяк», «К звездам» и др.) образ Саранина – это образ современного Человека вообще. Тем самым и конфликт «маленького человека» с «обществом» осмысливается как коллизия «Человек и Мироздание». При этом Сологуб иронично представил главного героя, надворного советника Якова Алексеевича Саранина, не просто по-гоголевски «маленьким человеком» на социальной лестнице, а в прямом смысле человеком маленького роста, тем самым еще более подчеркивая беспомощность этого персонажа.

Важную роль в новелле играет мотив *превращения* и связанные с ним демонологические мотивы, восходящие к претекстам Гоголя. Мотив метаморфозы начинает функционировать, когда главный герой следует за армянином по ночной улице, чтобы купить нужное снадобье: «От фонаря до фонаря странное превращение совершалось с армянином. В темноте он вырастал, и чем дальше отходил от фонаря, тем громаднее становился. Иногда казалось, что острый верх его шапки поднимался выше домов, в облачное небо. Потом, подходя к свету, он становился меньше, и у фонаря

принимал прежние размеры, и казался простым и обыкновенным халатником-торгашом» [5, с. 614].

Такой эффект здесь достигается игрой автоинтертекстуальных мотивов *света и теней* (новелла «Свет и тени»), а также гоголевским интертекстом: в первую очередь, речь идет об образе старика в азиатских одеждах (дьявола) из новеллы «Портрет», а также всевозможных превращениях демонологических персонажей (панночке в «Вице» и т. п.). Мотив *превращения* становится стержневым и при изображении метаморфоз, происходящих с уменьшающимся Сараниным (ср. с изменением размеров черта в «Ночи перед Рождеством»).

По-гоголевски сказочно-фантастическим и в то же время посологубовски символичным становится уход Саранина из жизни. Он настолько жалок и мал, что автор уподобляет его пылинке и растворяет в воздухе, оформив земное исчезновение как длительную командировку. «Маленький» (т. е. обычный) человек субъективно ощущает свою исключительность, важность и значимость для этого мира, однако не может это доказать и осуществить на деле, так и оставив свое бытие не востребуемым и непонятым. Однако такую смерть Саранина можно проинтерпретировать и иначе. Подобно тому, как светлый образ Раечки из новеллы «Утешение» постепенно приобретает демонические черты, все более и более соотносясь с Недотыкомкой за счет символического мотива *пыли*, так и Саранин, превратившись в пылинку, демонологизируется. Поэтому ни несчастья героя в его примитивной и пошлой жизни, ни его нелепая смерть не вызывают у читателей сочувствия и сострадания.

Влияние Гоголя на творчество Сологуба проявилось и в оригинальных «Сказочках» писателя-символиста. Вслед за Гоголем, оживившим Нос и пустившим разгуливать его по городу, Сологуб олицетворяет такие персонажи, как Глаза (сказочка «Глаза»), Харя и Кулак (сказочка «Харя и кулак»): «Сидела в избе харя и глядела на улицу» [6, с. 466], «Шел мимо кулак» [6, с. 466] и т. п. Мир сказочек Сологуба – фантазмагоричный и абсурдный мир уродливо-гротесковых персонажей, с помощью которых писатель-символист репрезентировал свое пессимистическое мировидение.

Таким образом, гоголевские художественные модели, варьируясь и расширяя семантику, активно функционировали в поэтике малой прозы Сологуба.

Список использованных источников:

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в семи томах. Том 4. Драматические произведения / Н. В. Гоголь; [примеч. Ю. В. Манна]. – М. : Художественная литература, 1977.
2. Келдыш В. А. О прозе Ф. Сологуба в свете русской классической традиции / В. А. Келдыш // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы : Общие закономерности. Проблемы прозы / В. А. Келдыш. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 512 с. – С. 149–162.
3. Павлова М. Писатель-Инспектор : Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников / М. Павлова. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 512 с.
4. Смирнова Н. С. Образ «маленького» человека в творчестве Ф. Сологуба и Н. В. Гоголя : V Сологубовские чтения [Электр. ресурс] / Н. С. Смирнова. – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://www.kresttsy.ru/node/430>.
5. Сологуб Ф. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Тяжелые сны : Роман. Рассказы / Ф. Сологуб; [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова; вступ. статья С. Л. Соложенкиной]. – М. : НПК «Интелвак», 2000. – 664, [1] с.
6. Сологуб Ф. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2. Мелкий бес : Роман. Рассказы. Сказки. Статьи; [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова]. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 624 с.